

**Читайте мистические триллеры
Альбины Нури в серии «За гранью»:**

Вычеркнутая из жизни

Пропавшие в раю

Отмеченная судьбой

Очарованная мраком

Плененные тайной

Пятый неспящий

Обреченные на страх

Пассажир своей судьбы

*«Ты нервничаешь и немного не в себе.
Из несвязных случайных совпадений ты выстроила
целую историю преследования! <...>
Ну, видишь, маленькая идиотка?
Все твои построения рушатся,
стоит только к ним прикоснуться!»
Но почему тогда...*

Айра Левин. «Ребенок Розмари»

НАШИ ДНИ

Хрусталеv возник на пороге кабинета, как всегда, неожиданно. Всех остальных посетителей слышно заранее: они звонко цокают каблукaми туфель и ботинок или шаркают подошвами, когда идут по длинному узкому, похожему на тоннель, коридору с нависшим потолком.

Но на этого типа обычные законы не распространяются. Может, он вообще не ходит, а плывет над полом по воздуху, как бесплотная тень?

Только что стояла сонная тишина, а уже в следующую секунду дверь с противным визгом повернулась в петлях, и внутрь кабинета проскользнул человек. Длинный, тощий, угловатый, как циркуль, он всегда держался очень прямо, словно силился дотянуться головой до потолка.

Обреченные на страх

«Специально подкрадывается, что ли?» — с досадой подумал Петр Сергеевич, однако вслух не возмутился, только заметил:

— Могли бы постучать.

— А вы что, заняты чем-то предосудительным? — без тени улыбки осведомился Хрусталеv. В руках он держал белую картонную папку с тесемками.

— Многие называют это вежливостью, — вздохнул хозяин кабинета, сидевший за громоздким старомодным столом, заваленным бумагами. — Ладно, оставим бесполезный разговор о манерах. Что там у вас?

Вошедший молча положил на стол свою папку.

— Вы собираетесь шантажировать меня ее содержанием, как Остап Бендер — миллионщика Корейко? — пошутил Петр Сергеевич, но ответной улыбки не дождался. Что ж, ничего удивительного. Чувство юмора у Хрусталева отсутствовало. Печальный факт, учитывая их профессию.

— Откройте, полюбопытствуйте, — коротко бросил Хрусталеv и огляделся с таким видом, будто попал сюда впервые, хотя знал в этой комнате каждую трещинку, каждое пятно на выцветших желтых обоях.

Петр Сергеевич скривился, не пытаясь скрыть недовольства, и потянул за тесемки. Внутри находилась толстая пачка бумаги. Обычные белые листы формата А4 с напечатанным на них текстом. Заголовок отсутствовал, имя автора — тоже. Сверху было пропечатано «Глава первая» — и только.

— Я прекрасно понимаю, что никто не поверит в правдивость моей истории, даже если ее каким-то

АЛЬБИНА НУРИ

чудом и прочитают. Люди станут крутить пальцем у виска: надо же, какая большая фантазия... — вслух прочел он. — Что за чушь? Рукопись какая-то? Теперь все пишут — мода такая. Писателей больше, чем читателей. Неужели кто-то из наших взялся...

— Да погодите вы острить! — дернув плечом, перебил Хрусталеv. — Сначала почитайте!

— Откуда у меня время на бесполезное чтение? — возмутился хозяин кабинета, сунул пухлую руку с коротко остриженными ногтями в папку и пролистнул несколько страниц. — Когда это читать? А главное, с какой стати? У нас тут что, издательство? Бросьте вы эти глупости!

Хрусталеv ничего на это не ответил, продолжая буравить Петра Сергеевича взглядом.

«Какое все же у него лицо странное! Широкое, квадратное, как площадка. И рта совсем нет — щель какая-то. Брови еще эти... Что за нелепость! Кустятся почище, чем у Брежнева», — подумал Петр Сергеевич.

— Хорошо, хорошо! Прочту! — сдался он, прекрасно понимая, что Хрусталеv не отвяжется, пока не добьется своего. Справедливости ради нужно сказать, что этот человек никогда не просил о чем-то пустяшном, не занимался глупостями — для этого он слишком серьезен, даже мрачен. Если притащил сюда эту писанину, выходит, в ней есть нечто действительно важное. — Сейчас прямо и начну.

Хрусталеv вышел, как обычно проигнорировав слова прощания. Петр Сергеевич вздохнул, взял первый лист и погрузился в чтение.

РУКОПИСЬ

ГЛАВА 1

Я прекрасно понимаю, что никто не поверит в правдивость моей истории, даже если ее каким-то чудом и прочитают. Люди станут крутить пальцем у виска: надо же, какая большая фантазия!

Тем не менее это чистая правда — такая, какой она открылась мне.

Как правда и то, что я отдала бы полжизни, чтобы никогда ее не узнать.

В том, что я решила записать свою историю, повинна выработанная за долгие годы профессиональная привычка. Я журналист, всю жизнь работала в печатных изданиях, привыкла анализировать факты, перенося их на бумагу. Вдобавок, как многие журналисты, втайне мечтала стать писателем.

Написать роман и прославиться. Увидеть Париж и умереть. Смешно, конечно. Хотя насчет умереть — вовсе нет.

Теперь я знаю: моей мечте не суждено сбыться. Но то, что пишу, буду разбивать на главы — пусть будет немножко похоже на настоящий роман.

АЛЬБИНА НУРИ

Знаю, что мою рукопись не напечатает ни одно издание, эти строки никогда не станут достоянием общественности, но это не важно. Мне нужно поделиться своим страхом — пусть даже с чистым листом бумаги. Необходимо любым путем вытащить занозу, извлечь из глубины сознания монстра, который там поселился, — и попытаться взглянуть на него при свете дня. Ведь самый страшный ночной кошмар поутру бледнеет и тает, кажется ненастоящим и не столь уж пугающим.

Может быть, если эта история заживет на страницах своей собственной, отдельной от меня жизнью, то перестанет меня мучить, день за днем отрывая от души очередной кусок? Возможно, если я опишу случившееся во всех подробностях, то у меня получится привести мысли в порядок и принять решение.

Ладно, хватит предисловий.

Меня зовут Марьяна Навинская. Многие думают, что это не настоящая фамилия, а просто звучный псевдоним, но они ошибаются. Навинскими были мои дед и бабушка по отцовской линии, мои родители и сестра — до того, как вышла замуж. Да и будь я Смирнова или Егорова, ни за что не стала бы менять фамилии и все свои статьи обязательно подписывала бы только так, не прячась под маской. Мама считает, что я чересчур прямолинейная и упрямая, — что ж, по всей видимости, она совершенно права.

Когда пишу эти строки, за окном плачет август, доживая последние дни. Лето на исходе. Три месяца

Обреченные на страх

ца назад, в конце мая, мне исполнилось тридцать два года. Совсем мало для человека, который полон планов на будущее, но слишком много для того, кто больше не знает, для чего живет.

Много лет назад я переехала в Казань. Название этого города происходит от слова «казан» (так оно и звучит по-татарски) — «большой котел». В этом котле варятся различные народы и национальности, соединяются ислам и православие, сливаются западные и восточные традиции. Должно быть, гостям из других регионов кажется непривычным смешение архитектурных стилей и языков, режут ухо то и дело вплетаемые в русскую речь татарские словечки и выражения, удивляют иглы минаретов, пронзающие небо рядом с луковками православных церквей, но мы уже привыкли ко всему этому.

Новосельцев из фильма «Служебный роман» говорил о Москве: «Я люблю этот город. Это мой город. Это очень хороший город». Я в точности то же самое могу сказать о Казани. Это в самом деле мой город, он близок мне по духу, хотя родом я не отсюда.

Моя малая родина — небольшой поселок Ягодное в одном из примыкающих к Казани районов. От города его отделяют восемьдесят километров — путь лежит через Волгу. Ехать нужно по длинному мосту. В детстве, когда приходилось преодолевать это расстояние, у меня всякий раз захватывало дух от волжской широты и ленивого величия. И страшно было: вдруг случится что-то, машина свалится вниз! Не выплывешь, не спасешься. Река — суровая и равнодушная — похоронит железную коробку внутри

АЛЬБИНА НУРИ

себя. А как надоест играть, вышвырнет белые, как рыбе брюхо, тела — и дело с концом.

Окончила я Казанский университет — училась на «факультете невест». На филфаке было всего два мальчика, да и тех непонятно каким ветром занесло: ходили оба с таким видом, будто они сами не знали, что здесь делают.

Все у меня было как у всех: слушала лекции, сдавала экзамены, жила в общежитии, бегала на свидания. Некоторые мои сокурсницы успели за пять лет и замуж выйти, и детьми обзавестись, и развестись. У меня же дальше коротких романов дело не шло. Это было предметом расстройств и огорчений — моих, сестры, родителей. Но сейчас я уверена, что все к лучшему.

После университета поработала в школе, но больше чем на полгода меня не хватило: я на собственном опыте прочувствовала, что дети — далеко не те милые создания, которых показывают в рекламе соков и творога. Конечно, есть святые люди, подвижники, которые посвящают учительству жизнь и умудряются любить свою работу, но я не из их числа.

Из школы ушла туда, куда тянуло со студенчества, — в журналистику. И преуспела. Мне есть чем гордиться. На момент, когда завертелась вся эта история, я трудилась главным редактором одного крупного журнала. Название его опущу, так и буду называть, для удобства, — Журналом.

Меня пригласили возглавить его, я была польщена, согласилась и никогда не жалела об этом. Бывали моменты, когда не хватало, как сейчас любят

Обреченные на страх

говорить, драйва: журнал выходил раз в месяц и не мог в этом плане тягаться с еженедельной газетой, где я работала прежде. Зато меньше нервозности и больше свободного времени, и мама надеялась, что я наконец-то налажу нормальную личную жизнь.

Но увы. Горизонт мой оставался чист. По сей день ни принца, ни коня.

Зато у моей сестры в этом смысле все было отлично.

Мы погодки — Жанна старше на год. Сестра училась в финансово-экономическом: с детства любила математику. Будущий муж Илья был ее одноклассником. Как они всем рассказывали, это была любовь с первого взгляда. Как сели за одну парту в сентябре, так и поженились в конце первого курса.

Сестра с мужем во многом повторили судьбу наших родителей. Жанна недолго поработала в какой-то фирме бухгалтером, а потом осела дома. У Ильи светлая голова: финансовый советник в крупной компании, он зарабатывал какие-то немислимые деньги и все их, как наш папа, тратил на семью и дом.

Сначала Илья и Жанна жили в Казани, но потом, к огромной радости родителей, переехали в Ягодное. Отстроили домище в новой части поселка, которая сейчас активно заселяется. Если подняться на второй этаж, открывается фантастический вид на Волгу. Река далековато, пешком почти полчаса, но видно ее прекрасно: Ягодное расположено на возвышенности.

Пишу все это и понимаю, что мне доставляет болезненное удовольствие вспоминать о былом.

АЛЬБИНА НУРИ

О том, что никогда уже не вернется. О том, как все было до того, как от нашей семьи остались одни обломки.

Мы были очень счастливы — все вместе и каждый на свой лад. У нас была дружная семья, никто ни на кого не держал зла. Ни у кого не было камня за пазухой или фигуры из трех пальцев в кармане. Потом родилась Даша — и все хорошее стало еще лучше.

Дашуля поразила меня в самое сердце. Не знаю, какво это — любить собственного ребенка, но если это еще более сильное чувство, то, боюсь, такого мне не выдержать. Я любила и маму, и папу, и Жанну, и Илью, но то, что испытала, когда впервые увидела крошечную племяшку, было сравнимо с ударом молнии: что-то ярко полыхнуло в моей душе, и я поняла — за эту девочку мне не жалко отдать жизнь.

Есть такая пословица: «Скрипучее дерево два века стоит, а крепкое валится». Кто болеет и жалуются, обычно живет дольше, тогда как здоровый, сильный человек часто уходит в одночасье. В этом определенно имеется зерно истины.

Иногда мне кажется, мы сами себя сглазили. Были слишком довольны и счастливы, думали, что ничего плохого просто не может свершиться. Только не с нами! Может, если бы в нашей семье чередой шли конфликты и ссоры, не было согласия и лада, мы восприняли бы все, что случилось, иначе. Постоянно ждали бы подножки от судьбы, были закалены в боях — и умели бы правильно реагировать на несчастья. Мы же оказались совершенно не готовы к тому, что обрушилось на наши головы.

Обреченные на страх

ГЛАВА 2

День, который стал точкой отсчета, я помню в мельчайших подробностях, хотя прошло уже больше трех лет. Он выжжен у меня в мозгу, отпечатался так ярко, что в памяти осталось каждое слово, каждый незначительный штрих. Например, помню, что на Асе было бежевое платье с красными цветами и широким поясом и она была записана на коррекцию бровей в шесть вечера.

На работу я пришла, как обычно, чуть раньше девяти. Могла бы и вовсе не приходиться: была пятница, как раз накануне мы сдали в типографию очередную номер Журнала и я разрешила творческой группе взять выходной.

Хотя Саша Мухин, наш дизайнер-верстальщик, все равно нарисуете ближе к обеду: его никакими силами дома не удержать. У Саши недавно родился сын, и по этому случаю приехала пожить теща из Елабуги. Он жаловался, что ночью орет младенец, а днем — мать жены. Так что лишний выходной Мухину не нужен. Подозреваю, что Саша врал жене, будто субботы у нас с недавних пор тоже рабочие.

Редакция располагалась в центре города. Жалко, что окна во двор: если бы они выходили на другую сторону, мы бы видели реку Казанку и новую красивую набережную на другом берегу.

Отдельного кабинета у меня не было. Все сотрудники редакции Журнала сидели в одной большой комнате. Прежде это было три кабинета, но потом межкомнатные перегородки снесли, и получился,

АЛЬБИНА НУРИ

как любила говорить корректор Валя, муравейник: Ася — секретарша и специалист по подписке, Саша, трое журналистов, сама Валя, которая приходит несколько раз в месяц, и я. Когда Валентина заговаривала про муравейник, Ася холодно поправляла: «творческая группа» и поджимала губы: что за глупые ассоциации с насекомыми?

Рядом — бухгалтерия и кабинет для сотрудников коммерческой службы. Их трое, включая коммерческого директора. Все, кто имеет непосредственное отношение к финансам, размещаются отдельно от нашего творческого муравейника, потому что денежные расчеты и продажа журнальных полос клиентам — процесс почти интимный, не для посторонних глаз и ушей.

Рекламщики — это особая каста. Они ловкие и зубастые, но иначе в их профессии нельзя. Мягкий, бесхитростный рекламный агент — плохой агент. Поглядывают они на остальных чуточку свысока, потому что приносят изданию деньги: Журнал коммерческий, государством не финансируется.

— Доброе утро, Марьяна! Как настроение? — Ася каждое утро встречала меня одним и тем же вопросом.

У нас принято было обходиться без отчеств. Исключение составлял лишь учредитель, но это святое.

Голосок у Аси детский, звонкий, как у пионерки, что многих вводило в заблуждение. Характер-то — ого-го! Но человек она отличный: без сантиментов, но зато без гнильцы.